

Николай Лесков

Расточитель

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Л50

Л50 **Лесков Н.**
Расточитель / Николай Лесков – М.: Книга по Требованию, 2012. – 94 с.

ISBN 978-5-458-03732-7

Первоначальное образование Лесков получил в доме богатых родственников. В 1841 он поступил в орловскую гимназию, но учился неровно и в 1846, не выдержав переводных экзаменов, начал службу писцом в Орловской палате уголовного суда. В 1857 Лесков стал служить в частной компании дальнего родственника, англичанина А. Я. Шкотта. В 1864 году вышел в свет роман Лескова "Некуда", в 1870 году роман "На ножах". Лучшие произведения "Леди Макбет Мценского уезда" (1865), "Воительница" (1866), хроники "Старые годы в селе Плодомасове" (1869) и "Захудалый род" (1874) прошли почти незамеченными. Лесков вошел в литературу как знаток духовной и бытовой жизни народа. Он был блестящим стилизатором, имитировавшим язык 18 в. (цикл рассказов "Заметки неизвестного", 1884), владевшим эзоповской манерой ("Заячий ремиз", 1894), любившим красочный стиль (легенда "Прекрасная Аза", 1887), умевшим писать и изысканно просто (рассказ "Под Рождество обидели", 1890). Последние пять лет жизни Лесков тяжело страдал от постоянных приступов астмы, в конце концов сведших его в могилу 21 февраля (5 марта) в С.-Петербурге. Похоронен на Волковом кладбище в С.-Петербурге.

ISBN 978-5-458-03732-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Лесков Николай
Семенович
Расточитель

Н.С.Лесков

Расточитель

Драма в пяти действиях

(Посвящается артисту Н. Зубову)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Иван Максимович Молчанов, молодой купец, 30 лет. Одевается по-современному; держится ловко; носит бороду.

Марья Парменовна, жена его, 28 лет.

Пармен Семенович Мякишев, тесть Молчанова, купец рослый, тяжелый, с большою проседью; одевается по старине.

Анна Семеновна, жена его, купчиха лет за 40.

Фирс Григорьевич Князев, купец лет 60, бодрый, сдержанный и энергический. Седые волосы на его голове острижены низко и причесаны по-кадетски; борода довольно длинная, но узкая и тоже седая; одет в длинный сюртук, сделанный щеголевато. Вообще фигура очень опрятная. На носу золотые очки. - Первый человек в городе.

Иван Николаевич Колокольцов, товарищ Молчанова, 30 лет, городской голова.

Вонифатий Викентьевич Минутка, думский секретарь, из поляков.

Калина Дмитриевич Дробадонов, дядя Молчанова по женской линии, купец очень крупного телосложения, лет 42; одет неряшливо.

Иван Петрович Канунников | пожилые купцы

Матвей Иванов Варенцов } и члены

Илья Сергеев Гвоздев | Думы.

Марина Николавна Гусярова, молодая женщина, лет 27, дочь няньки Ивана Молчанова, воспитанная в детстве в молчановском доме,

Старуха, мать Марины, слепая.

Алеша Босый, помешанный, слывет юродивым: он не носит никакой обуви и зиму и летом ходит босой, в одной длинной рубашке.

Спиридон Обрезов, старый ткач.

Павлушка Челночек, мастеровой.

Служанка в доме Мякишевых.

Алена |

} слободские девушки.

Саша |

Дросида, мать Алены.

Приезжий парень.

Двое детей Молчанова.

Фабричные, купцы и мещане, полицейские солдаты и кварталный.

Действие происходит в 1867 году, в большом торговом городе:

1-е - в садовой беседке у Князева,

2-е - в городском доме Молчанова,

3-е - в доме Мякишевых,

4-е - в парке при молчановских фабриках,

5-е - в доме Дробадонова.

Между 1-м, 2-м, 3-м и 4-м действиями проходит несколько дней, а между 4-м и

5-м три месяца.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Просторная садовая беседка, обращенная в летнее жилище Князева и убранная

как кабинет достаточного человека, но несколько в старинном вкусе.

ЯВЛЕНИЕ 1

Князев (при поднятии занавеса сидит за старинным бюро карельской березы и читает письмо). "А к сему еще и то тебе, любезный Фирс Григорьевич, прибавлю, что у нас в столице ныне нечто совсем от прежнего отменилось, и хоша то и справедливо, что на всякую болезнь свое зелье растет, только ныне аптек тех уже нету, где зелье противу наших немочей приготавлилось, Суд старый рухнул, и при новых судебных выдумках я в деле, о коем ты пишешь, пособником быть считаю не безопасным. Одно, что могу тебе присоветовать, то признайся ты питомцу своему Молчанову, в чем грешен, и ненадлежаще от него присвоенное возврати. Иной же поправки сему делу в нынешние тяжкие времена не ожидай". (Нетерпеливо дергая письмо, продолжает скороговоркою) "Молчанов пылок и добр, и если ты перед ним, как прочие купцы делают, хорошенько расплачешься, то он, пожалуй, и разжалобится..." (Комкает письмо.) Дурак, а не стряпчий! Черт его знает, что он мне за ответ написал! Я его спрашивал: как мне быть, чтобы не уронить себя, чтобы оправиться в молчановском опекунском деле и сдать отчеты без приплаты, а он вон что отвечает: "отдать!" Отдать!.. Да нечего отдать, глупец!.. Расплакаться!.. Кто это видел, как Фирс Князев плачет! и перед кем? И от чего заплакать?.. Ваш новый суд! Что ж это - люди, что ль, переменялись? Вздор! Не может быть, чтоб человек с умом не сделал в России того, что хочет... Все это выдумка! Да, наконец, и

граф Александр Андреевич этого не может допустить. На него на полмиллиона векселей при таком суде представят, а он платить долгов не поважен. Пустое, вздор, мечтанье, форма... Нет, меня не запугаете, и пока этот лоб наруже, на Фирса Князева узды вам не накинуть.

Слышен стук в двери.

Кто там?

ЯВЛЕНИЕ 2

Минутка (входя). Не беспокойтесь: это я.

Князев. Что ты там пропадал столько времени? Велики, знать, очень секретарские разносолы.

Минутка (усаживаясь). Нет, какие там наши разносолы, а все же старуху восемь дней не видал... да ей и нездоровится.

Князев. Ну что там нездоровится... псовая болезнь до поля, бабья до постели: выпитися и здорова будет.

Минутка (подобострастно улыбаясь). Это так, так... они как кошки: переволоки на другое место, и опять живут... Ну ах, чтоб вы знали только зато, как я разбился... Кажется, за ничто на свете теперь бы с постели не встали! Ведь шутка ли, в самом деле, в восемь дней в Петербург и назад. Хороша дорога, слова нет, особенно от Питера до Владимира по чугунке, как в комнате сидишь; но уж от Владимира...

Князев (перебивая). Да, от Владимира многим не нравится... Ну да к черту это! Расскажи ты мне теперь, братец, что же ты сделал в Петербурге по моему приказанию? Письмо ты мне от стряпчего привез столь глупое, что я этого человека после этого сумасшедшим считаю.

Минутка (ослабляясь). Нет, большого ума, большого ума человек, Фирс Григорьевич! Не дети, а мужи, самые настоящие мужи, дельцы и те приуныли. Одно слово, как стряпчий сказал, нечего и рецептов писать, когда наши аптеки все закрыты. (Разводит руками.)

Князев. Как же это, - стало быть, и ты уже без взяток жить собираешься?

Минутка. А что ж поделаешь!

Князев (встает и начинает ходить). А вытерпеть надеешься?

Минутка. Представьте, Фирс Григорьевич... чтоб вы знали, ни денег дать, ни упросить его, ни подкупить... Как вам это нравится?

Князев. А обмануть?

Минутка (смотрит на Князева с изумлением и растерянно повторяет). Обмануть...

Князев. Да... обмануть?

Минутка. И обмануть... Ну, чтоб вы знали, и обмануть я, Фирс Григорьевич, не в надежде.

Князев. Ну обойти, коли не обмануть?

Минутка молча разводит у себя под носом руками.

(Про себя.) Однако и у пиявки брюшко залубенело. (Громко.) Нет, пан Вонифатий, вижу я, что двадцать лет назад, когда тебя только что прислали из Польши на смирение, ты смелей был. Помню я, как ты, первый раз, как я тебя у полицеймейстера за завтраком увидел, рассуждал, что "в России невозможности нет". За одно это умное слово я тебя, сосланца, возлюбил, и на службу принял, и секретарем в Думе сделал, и двадцать лет нам с тобой и взаправду невозможности не было.

Минутка. То двадцать лет назад ведь говорил я, Фирс Григорьевич.

Князев. Да; в эти двадцать лет ты понижался, а я... а я прожился.

Минутка. Кто ж этому причиной, Фирс Григорьевич? Не я тому причиной: я жил по средствам, вы же...

Князев (перебивая). Молчи, сморчок!.. В тебе сидит один польский черт, а во мне семь русских чертей с дьяволом, так не тебе про то судить, кто виноват. Когда б не эти черти, я и теперь бы дома не сидел и не послал бы тебя в Питер. (Успокаиваясь.) Говори, великоли время еще дадут мне на передышку?

Минутка (пожав плечами). Сказали так, что дело об отчете два месяца, не более могут продержать и тогда потребуют остатки.

Князев. Сколько?

Минутка. На счету будет тысяч двести.

Князев. Двести тысяч!.. Ты врешь!

Минутка. Помилуйте, на что мне врать.

Князев. На что?.. А ты соври себе, чтоб легче было отвечать.

Минутка (вскакивая и дрожа). Да я-то что же здесь? Я здесь при чем же, Фирс Григорьевич?

Князев. Агу, дружочек! Ты здесь при чем? А не знаешь ли ты того подьячего, что нам с Мякишевым двадцать лет отчеты по молчановской опеке выводил? Что, голубь! Я ведь бумажки прячу.

Минутка, потерявшись, не знает, что сказать.

А! Ишь как дрожит! Вот тем-то вы, ляшки, и скверны. На каверзу вот тут вас взять, а если где придется стать лицом к лицу с бедою, так тут вы уж и жидки на расправу. (Грозя пальцем.) Эй, пан, со мною не финти! (Смело.) Я крепко кован! Я знаю, куда ступаю. Я сел

опекуном, так из всех должностей высел, а тебя, дурака, в Думу посадил, и... придет к тому, так... я же тебя и в тюрьму посажу. Чего дрожишь! Чего? не бойся. Ведь новый суд над нами еще не начался, а до тех пор держись... вот тут вот... за полу мою держись, покуда... (с омерзением) покуда в нос сапогом не тресну.

Минутка. Да что вы, Фирс Григорьич! Я, что ль, за новый суд! Да за ничто на свете! Тпфу! вот ему что от меня, новому суду. Я, чтоб вы знали, я всем чем угодно готов служить вам, Фирс Григорьич.

Князев. Ну, всем - где тебе всем служить? Я тебя посылаю каверзить слышишь, каверзить. Больше вы, паны, ни на что не способны.

Минутка. Да нуте бо, бог з вами, кати я пан: я такой же, как и вы, русский человек.

Князев (презрительно). Ну врешь - такой же! - что у тебя на русской службе польская кость собачьим мясом обросла, так уж ты от этого и русским сделался! Впрочем, не русись: ты мне такой и лужен, какой ты есть! Где ума потребуется, там мы своего поищем; а ты ступай повсюду... бунтуй народ, мещан, особенно фабричных... Заслать людей, чтобы и малому и старому твердили, что Фирс Григорьич их отец, что он застоя их; он благодетель их и покровитель... Понимаешь? Сказать, что помните, мол, в прошлом году совсем было быть набору... а как министерский чиновник через наш город проехал да с Князевым повидался, - и набору, мол, конец. Ты все это должен помнить: сам ведь распускал. Теперь опять все это им напеть, да растолковать им, канальям, что я все могу сделать.

Минутка. Это... это что и толковать! Этому, чтоб вы знали, они и так все верят.

Князев. Знаю! И то... да! скажи, что опять в Петербурге про набор слышал... Это старо, да еще не изъездилось... Скажи и поприбавь, что я, освободившись теперь от молчановской опеки, не откажусь быть головою и... "его, мол, выберут". Это ничего, что не ты, а они выбирать будут - ты прямо говори, что выберут.

Минутка (смеясь). Быдло!.. Скот, скот... бараны... я про народ-то говорю: бараны!

Князев. Да; ступай и действуй смело, а я здесь кое о чем подумаю.

Минутка. Одно только, как бы это так получше, Фирс Григорьич, пустить, чтобы оно всюду прокатило?

Князев. Ну, об этом ты не заботься: у нас правда молчком лежит, а брехню пусти с уха на ухо, она пролетит с угла на угол. Ступай.

Минутка (порываясь к двери). Прощайте, до свиданья.

Князев. Да то еще... Да! Если что-нибудь тебе случится разузнать, что Ванюшка Молчанов неспокоен, что что-нибудь затевает...

Минутка. То дать вам знать?

Князев. Да, ту ж минуту; ту ж секунду... Слышишь: ту ж секунду. Беги сюда хоть ночь, хоть за полночь... да не ломись двором, где люди видят, а оттуда, знаешь, с выгона подергай за веревку. Я сам тебя впусти в садовую калитку.

Минутка. Не учите... знаю.

Князев. Не дай зевка. Мне кажется, что он недаром что-то очень тих. (Про себя.) Черт знает... я бойких людей не люблю и очень тихих не люблю тоже. Не верю я тихим. (Минутке.) Не верю я тихим!

Минутка. Фирс Григорьич, не беспокойтесь! Кто тихо ходит, того чох выдаст... чох выдаст... хе-хе-хе, чох...

Князев. Ступай.

Минутка уходит.

ЯВЛЕНИЕ 3

Князев (один, медленно и с усталостию). Проклятая самая вещь чужие миллионы в руках держать: ладони сами словно клеем приклеиваются - все так и пристаёт к ним, так и пристаёт; а потом вот как поналип-нет - и трудно приходится рассчитывать. Две недели! Что тут можно сделать из ничего в две недели? А не сделай, - бубновый туз тебе на спину и в каторгу. Гм! Но и еще и не в том дело, что в две недели, и не в том, что из "ничего"; а когда это? в какое время? когда я уязвлен, когда я умом помрачен и только мечтаю о сласти, когда все, наконец, уж так доведено, что Марине шагу ступить без меня невозможно... Сегодня ей уж последний удар нанесен: я вчера велел Дросиде, чтоб нынче выгнать их - и ее и мать, - если Марина еще ломаться будет. Теперь ей один выбор - идти со слепую матерью питаться же-людьми или... прийти ко мне. (Глядя на часы.) Теперь девятый час в исходе... Непременно должна бы сейчас быть... Небось закутается... идет, словно земля под ней проваливается, и все плачет. Гм! (Подумав.) А я очень люблю иногда плачущих женщин... (Страстно.) У них в это время, когда они плачут, губы такие... жаркие и все, как бабочка на булавке, трепещутся... Давно уж, давно я не целовал этакой! (Задумывается.) Изучались все, все уж и здешиние-то приучились, как рыбы холодные на блестячку ходят, только блестячку загатавливай... Ах, эти блестячки, блестячки!.. Вот, черт возьми, вертись, как жид перед жолнером: то баба, то свое спасенье. (Садится к столу, на котором стоят книги законов.) Неужто же в самом деле ни ум, ни закон, ничто не поможет? Нет! чтоб выгонять вон из головы эту проклятую бабу, давай лучше законы читать

стану. Теперь мода на законы пошла, Прежде была мода на возможность, а ныне на закон. (Раскрывает одну за другою несколько книг.) Что ж!.. Говорят, подъячий от закона питается: не утешит ли он и нас чем? (Читает.) "О фальшивых монетчиках". - Вот эта статья интересная. Только велика труппа требуется. (Ищет далее.) "О нарушении союза брачного". (Останавливается и несколько секунд читает.) Муж может потребовать жену к совместному сожительству... а чтобы он не потребовал... (С досадой.) Но это опять все про нее! про нее!.. (Оглядывается на дверь.) Однако что-то вот ее и нет. (Глядя в книгу.) "О расточительстве". Вот этим законом меня хорошо было с детства отчитывать. (Вздыхает и бросает книгу.) Все вздор! Есть только то, чего не надо; а за что зацепиться? на чем выскочить?.. На что стать да насмеяться этим и новым судам и новым людям, - того и нет!

Слышится стук в двери.

Ага, вот и она! (Откидывает крючок.) Одна?

ЯВЛЕНИЕ 4

Дросида (входя). Одна, родимый. Да и с кем же быть-то? Не с кем.

Князев. Как не с кем! Что такое?

Дросида. Да ведь ушла она, Марина-то, еще вчера ушла. Я думала, что ты уж знаешь, потому весь город знает. Я про то и идти и глаз тебе показать боялась, что ты, мол, этакой человек... гневен теперь...

Князев. Ты толком мне говори. Я твоей этой болтовня ничего не понимаю. Я дома сидел: ничего не слышал, а докладывать - кто мне смеет про эти глупости докладывать?

Дросида. А коли не знаешь, изволь, родимый, все расскажу. Я все ей баяла. Я позорю, ты вспомяни, Маринушка, что кто ведь был твоей застоен? Подумай, мол, что ты ведь мужняя жена, а муж твой есть убиец. Кто за тебя вступился? Фирс Григорьич. Кто мужа твоего по чести спровадил в Питер да еще и денег на разживу дал - кто? вое же Фирс Григорьич. Кто этот домик-то, не домик, а хоромы добрые, тебе удержал, не дал твоему мужу прогусарить? опять же Фирс Григорьич!

Князев. Ну!

Дросида. Да как же тебе, говорю, того не чувствовать? Ну, а она свое: я бы, говорит, от мужа и сама убегла, потому что он, всем известно, разбойник; а что хоромы, так это, говорит, ведь наши при томанные, свои хоромы: их Фирс Григорьич обманством выманил: говорил, чтоб только переписать за него, чтобы муж меня под дом

денег занимать не заставлял; а нынче, видно, шутку эту в правду уж повернул. Так мне плевать, говорит, на эти и хоромы. Я, говорит, нужды не боюсь, а уж тела своего не продаю. Дура ты, говорю ей, так же ведь с своим с разбойником-то жила и тело ему продавала. Ну, то, говорит, закон.

Князев. Скажите пожалуйста, и бабы про закон запели!

Дросида. Да, говорит, закон. Да что, мол, нам, нищим, закон! Хорошо в законе ходить, кому бог обужку дал, а у нас редкая-редкая, которая от Фирса Григорьяча чем не пользовалась... Моя, говорю, дочь не хуже тебя была...

Князев. Ну, это ты проезжай мимо с своей дочерью.

Дросида. Не хуже тебя, говорю, Алена-то моя была, да за счастье даже это почитала. А она с этим харк мне в глаза да говорит: змея ты, да еще змей хуже, потому и змея своих через не ест, а ты к чему дочь устроила. Я уж тут-то не стерпела, да и говорю: ну, коли ты говоришь, что я свое дитя съела, то ты хуже меня будешь и свою мать съешь. Мне, говорю, от Фирса Григорьяча такой приказ дан теперь, что если ты ноне своих капризов не переломишь да не пойдешь к нему, так замест того, чтобы он дом на тебя записал, вот тебе бог да порог: выходи вон отсюда со своею матерью.

Князев. Ну и что ж она?

Дросида. Что ж ей, бесчувственной, Фирс Григорьяч! Она тому и рада словно. Прегордо плюнула еще, да и была такова. "Собирайся, маменька: наш дом-то не наш, говорит, вышел". Повязала узлы, да и след их таков.

Князев. Скажите пожалуйста, какой, однако, в этой бабенке гонор сидит. (Отходя.) Ведь это... ведь это, я вам говорю (целует пальцы)... ведь это суперфейн! Эта... разомнет кости, пока ее к знаменателю приведешь. Я и этот род знаю. Знаю, знаю! Сей род ничем же изымается, но хорош, хорош, заманчив. Дуру, как галку, сейчас подманешь, и сама и на плечо садится; а этакую... как сокола ее надо вынашивать... Майть ее, чтобы одурь ее взяла... чтоб отдыху ей не было, чтоб из сил выбилась, с тела слала... В них ведь это не то... не мякоть, не тело дорого... а в них... Да дьявол их знает, что в них такое! (Дросиде.) Ну и куда же она пошла?

Дросида. Да уж прежде, видно, Фирс Григорьяч, у них место-то готовлено. Она так прямо, плюнувши, и говорит: стращать было вам, говорит, меня допрежь сего, да и тогда-то бы я не больно испужалась, а ноне мне спасибо вам, что выгнали. Взяла слепую мать и повела к Молчанову на дачу.

Князев (вскакивая). К Молчанову? Ты врешь!